

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ежемесячный
литературно-
критический
и библиографический
журнал

6

12'86

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ
И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР;
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА СССР ПО ДЕЛАМ ИЗДАТЕЛЬСТВ,
ПОЛИГРАФИИ И КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ; СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА РСФСР ПО ДЕЛАМ ИЗДАТЕЛЬСТВ,
ПОЛИГРАФИИ И КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ

ОСНОВАН В 1932 ГОДУ

№ 12, 1986

*Этот номер составлен
из работ молодых авторов*

В номере:

-
	2 И. Золотусский. КРИТИКА ЭТО СТРАСТЬ
Школьная реформа — в действии	8 Е. Щеглова НАД ЧЕМ СМЕЕТСЯ КРЫЛОВ?
К 800-летию «Слова о полку Игореве»	13 В. Былинин «СЛОВО...» ЗВУЧИТ ПО-ИСПАНСКИ
Жизнь. Литература. Критика	18 М. Гуревич. ЧТО С НИМИ И С НАМИ ПРОИСХОДИТ? 24 И. Ваверниче. ДИАГНОЗ: СЕРДЕЧНАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ 28 Л. Садыкова. «СОЗДАТЬ СЧАСТЛИВОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО...» 33 Е. Коваленко, А. Коваленко ОТ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РЕБЕНКА 35 А. Архангельский. «НО ЕСТЬ ЕЩЕ — ГЛУБИНА!» 38 А. Багиров. ПОЭТ-СКАЗОЧНИК ИЗ КАРАБАХА 40 Т. Алатырцева. «ЭТО ИМЕННО Я...» 43 Е. Пашенко. ПУТЬ К БЫЛИНЕ 46 Л. Хрищенович. А РЕБЕНОК ЖДЕТ... 50 П. Нуйкин. БОРЬБА СО ЗЛОМ, ИЛИ КАК ИСПЕЧЬ НАПЛЕВАТЬ
Читаем классику сегодня	52 С. Тихомиров. ЧАЕПИТИЕ В УСАДЬБЕ
Зарубежная литература	58 А. Василевский УЧИТЕЛЬ СКАЗОЧНОЙ ГРАММАТИКИ
Художник и книга	62 Г. Ельшевская. О «ДЕТСКОСТИ» И «ВЗРОСЛОСТИ» В ДЕТСКОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ 67 А. Ерохин. ОСТРОВ СВЕТОЗАР: ПРИРОДА, КЛИМАТ, ОБИТАТЕЛИ
	75 ГОДОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» ЗА 1986 ГОД

шение одиночества — чувство, неизбежно сопровождающее каждого поэта. Может быть, оттого он и кажется менее «взрослым» и более беззащитным, чем его друзья?

Непосредственные поэтические прорывы героя возникают на страницах книг Валерия Попова нечасто, но они всегда предельно выразительны. Вот эпизод из повести «Стоп-кадр». «Ты ведь и понятия-то еще о жизни не имеешь! Понятия не имеешь о человеческих переживаниях!» — говорит мальчику один из киногруппы. «Имею, — сказал я. — Однажды, летом еще... смотрел я на улицу из окна. Вдруг — скрип! — «москвич» резко останавливается, тормозит. Из него выскакивает водитель и двумя ударами — бац, бац! — того человека, который перед капотом «москвича» оказался. Тот упал, а этот сел, дверцу захлопнул и уехал! А тот — поднялся так медленно и долго-долго пиджак отряхивал, глаз не поднимал. Боялся, что увидели все, как избili его»...

И именно такие внезапные поэтические вкрапления сообщают повествованию неповторимую лирическую тональность. Лирическая нота звучит даже в забавной, наполненной фантастическими приключениями сказке «Превратись во что хочешь!»: «Шел я по улице, и вдруг колоссальный дождь пошел. Солн-

це и одновременно дождь. Зашел я в подъезд, стоял, смотрел на улицу, как запрыгали по асфальту струи дождя, словно скачут маленькие всадники, саблями размахивая. Стоял я, смотрел на дождь и неожиданно вдруг стих сочинил... Побежал я по тротуару, этот стих повторяя! Даже и могу подозревал раньше, что что-то такое могу создать, что до меня еще никто не создавал!.. Понял я, что не простой этот момент, — вся жизнь моя от него изменилась!»

Выйдет ли из Саши Горохова настоящий поэт? Сможет ли он действительно осуществить себя в творчестве и создать то, что до него еще никто не создавал? Очень возможно, ибо он, как мы видели, умеет оставаться самим собой, не терять себя даже в самых трудных обстоятельствах; он стремится выработать свои нравственные принципы; он хочет обрести свое призвание...

Духовный мир современного подростка многообразен, сложен и противоречив, а напряженность внутренней жизни в этом возрасте исключительно велика. Рассказав в своих книгах историю души мальчика-поэта, Валерий Попов нашел свой неожиданный поворот в освоении этой темы. Именно в этом его подлинное новаторство, и большое художественное открытие.

ЕЛЕНА ПАЩЕНКО

Путь к былине

«В толпе могучих сыновей, с друзьями, в гриднице высокой Владимир-солнце пировал...»

Это Пушкин, «Руслан и Людмила», строки со школьных лет знакомые всем.

*Ай во славном было городи во Киеви,
Ай у ласкового князя у Владимира,
Тут ведь было в ево собран почесен пир,
А почесён-от пир всё на весь-от мир...*

Это «старина» о Сухмане, одна из ветвей могучего дерева русских преданий, которые подчас так и остаются неизвестны человеку всю жизнь...

Выступая однажды перед школьниками, известный переводчик Игнатий Ивановский задал им, между прочим, такой вопрос:

— Ребята, а кто из вас любит читать былины?

В ответ — молчание зала...

И верно: не год, не два они у детей в незаслуженной опале. Конечно, их проходят в школе. Но в учебник литературы включены лишь «Волга и Микула» да «Илья Муромец и Соловей-Разбойник». Их читают на уроках, по ним пишут изложения. Но этим знакомство

немалого числа ребят со стихотворными текстами былин оканчивается. Имена трех богатырей с картины В. Васнецова они назовут, а вот других — редко...

В чем причина того, что к «старинам» обращается далеко не каждый? Во-первых, в их своеобразном, и взрослому-то непривычном, особом языке — напевном и тяжеловесном одновременно. Во-вторых, у «повестей древних лет» немало конкурентов, куда более интересных. И чем, спотыкаясь, одолевать «скучную» книжку былин, школьник примется за «Электроника» или «Девочку с Земли», где одна глава интереснее другой...

Позже он вырастет, станет взрослым, умным человеком. Но одной из неизвестных ниточек, что связывает человека с родной землей, у него не будет, оттого что не узнал он стародавних легенд своего народа. А человек без прошлого подобен страшному и жалкому манкурту из «Буранного полустанка» Ч. Айтматова.

Поэтому, чтобы еще с детства приобрести к былинам, и создаются их многочисленные пересказы, переложения. У них, особенно у прозаических, к счастью, иная судьба, их любят, зачитывают до дыр. Чаще всего герои их Илья Муромец, Добрыня, Алеша Попович, Микула, Волга, Святогор. Реже в числе персонажей Василиса Микулишна, Садко, Сухман. И уж вовсе иногда — Михайло Потык, Михайло Козаринов, Соловей Будимирович...

Вот «Былины» (Л., «Художник РСФСР»,

1973), пересказанные Н. Колпаковой для самых маленьких, для тех, кто еще читает по слогам. Крупный шрифт, обилие картинок. Небольшие, по полстранички, главы. В языке преобладают глаголы — только действие, только события; простые, короткие фразы... И все богатыри похожи друг на друга — и речью, и нравом, и обличем.

Иначе переложил былины, тоже для дошкольников, А. Митяев (в его книге «Шесть Иванов — шесть капитанов». М., «Детская литература», 1978). Не просто их адаптировал, а наполнил образами, понятными ребенку. Чтобы зримо показать рост Святогора, пишет: в руке его, как в лодке, мог поместиться человек; когда он ехал по лесу, голова его была выше самых длинных сосен; а дома или человека мог вовсе не заметить, и раз закрыл ногой трубу кузницы.

Обоим этим пересказам присуще сказочное деление персонажей: добрый богатырь — злой недруг. Третьего нет. Витязи, особенно у А. Митяева, безупречны во всем. Вольга («Волх Всеславьевич»), обернувшись горностаем, не зарывает коней в султановой конюшне, а лишь портит седла. Это не прихоть автора, а знание психологии детей — ведь они, особенно маленькие, любят зверюшек, играют их фигурками, учат на память «Я люблю свою лошадку...». И если уж шестиклассник Панама в повести Б. Алмазова «Самый красивый конь» долго не мог уразуметь, как это можно «над лошадками» делать опыты, пусть и с самой святой целью, то малыш и подавно не поймет, за что Вольга их убил. И на соседнее царство он идет войной, чтобы спасти осужденную на смерть женщину. Победив, всех прощает Вольга, даже злого царя Салтыка, но тот сам «с досады помер». В этих пересказах битвы не страшны, всегда торжествует правда. Лишь в одной из былин — о Сухмане — герой оклеветан, опозорен, он погибает. Но спасен от врагов Киев. Поэтому финал, как и в «Сказке о военной тайне» А. Гайдара, не безысходен: богатырь пожертвовал своей жизнью ради многих жизней, и подвиг его, незамеченный людьми, — тоже подвиг.

«Спешите делать добро!» — эта мысль стала главной во всех четырех былинах в пересказе А. Митяева. Н. Колпакова увлечена ходом

событий, для нее история Святогора — «чудо». Под пером А. Митяева она превратилась в причту: «сила ему дана была огромная, да не сумел он ею хорошо распорядиться». Никому, кроме Марьи, не сделал Святогор добра за весь свой век. Хотел он землю поднять, мечтал о почестях себе, пусть и на горе всему миру, оттого и бесславен его конец, в отличие от Сухмана. Но за единственное хорошее дело остается и по нему память — ракета, в которую превратилась Марья. Необычайно человечен образ этой заступницы за людей, вечной печальницы по Святогору, созданный А. Митяевым.

Книги А. Нечаева «Былины» (М., «Малыш», 1984), «Русские богатыри» И. Карнаухова (Л., «Детская литература», 1974), альбом «Русские богатыри» А. Нечаева и Н. Кочергина (М., «Малыш», 1971) — для школьников. Здесь уровень пересказа уже иной: мир предстает далеко не в радужном свете, бои жестоки. Тут не от злости, а от руки Вольги гибнет Салтык. И Алеша Попович у И. Карнаухова не столь идеален, как у Н. Колпаковой: видя Тугарина, он «еле жив стоит, ноги у него подкашиваются», половину его подвигов совершает верный друг, Еким Иванович. Полюбив Настасью Микулишину, солгал ей Алеша, будто видел убитым мужа ее, Добрыню. Даже сам Илья, идя в Царьград сражаться с Идолицем, отнимает одежду у калики, угрожая побоями. Храбрые витязи «обуреваемы страстями», как и прочие люди. Но их отвага, верность краю родному не знают предела. Поэтому, хоть и не безупречны, они — герои.

Оригинальна у И. Карнаухова былина «На заставе богатырской». Илья Муромец бьется с неведомым нахвальщиком. Противник могуч: в ожидании боя, «словно пёрышком», поигрывает стопудовой палицей. Если бы не дала Илье сил мать-земля, быть бы ему убиту. Но, победив, не смог он сдержаться восхищения: «Ну и славный же ты богатырь!», пощадил недруга. А, вернувшись к своим, сказал: «Тридцать лет я езжу по полю... а такого богатыря не видывал!» Так в пересказе былина, в которой в оригинале герой сражается со своим «неузнанным» сыном, приобрела иной смысл: Илья уважает сильного врага, честный поединок, не боится признать, что

*Пащенко
Елена Владимировна
родилась в 1964 году.
Учится в Архангельском
государственном
медицинском институте.
Участница
Второго всесоюзного
семинара
молодых критиков
детской
и юношеской литературы (1985).
Эта статья —
первая большая публикация.*

сила его не безгранична. Богатырь — это человек, чья совесть чиста, за кем правда.

С нетрадиционным драматизмом истолкована И. Карнаухова «старина» о Садко. Нищий гуслир хочет разбогатеть — не «отращивать жир в тереме», а мир повидать, наглядеться див заморских. Стал купцом и загордился. Побывав раз в чужих краях, «до смерти жил тихо и мирно в Новгороде», забыв о прежних мечтах. Не принесло ему золото счастья.

Несколько странным может показаться, что в книгу И. Карнаухова «Русские богатыри» вошла былина о Соловье Будимировиче, не воине, а торговом госте. Но если Илья Киев защищает, то Соловей его украшает золотыми теремами. Оба — боец и мастер — служат родной земле.

А. Нечаев в книге «Былины» не стремится, в отличие от И. Карнаухова, показать людские судьбы и характеры, а пытается воссоздать атмосферу сказочной Руси. Его повествования, словно песни, изобилуют повторами: «сила-могута», «столованье-пированье» и т. д. Он любовно воссоздает подробности жизни своих героев: «сперва накладывал потнички, на потнички клал войлочки, а на войлочки седельшко черкасское... Все не ради красы-басы, а ради крепости богатырской...»

Книга А. Нечаева и художника Н. Кочергина «Русские богатыри» — краткие, почти конспективные пересказы былин. В каждой главе показано, чем был для русского народа тот или иной богатырь. Микула — его кормилец, Вольга — воплощение его мудрости, Алеша — удали, Илья — совести. В числе других былина, к которой никто больше не обращался, — о Михайле Козаринове, отвергнутом сыне. В некоторых ее вариантах он, спасши из плена сестру, становится любимцем всей семьи. Авторами выбран иной финал — герой остается одиноким — возможно, чтобы воссоздать то жестокое время, когда за правду приходилось платить своей и чужой кровью.

Но пересказ для детей, пусть и не для маленьких — все же — для детей. Кто знает, за какой гранью кончается «детское» и начинается «взрослое»? Трудно не перешагнуть этого рубежа... Вот переложение былины «Михайло Потык», выполненное А. Александровым («Мурзилка», 1983, № 5 и 7). До него первую часть этой «старины» пересказала Н. Колпакова. Получилась лирическая новелла о любви, что сильнее смерти. Кончалась она спасением царевны Марьи. А Александров поведал и дальнейшие события: Марья изменила мужу, трижды опаивала его вином с сонным зельем, пытаясь погубить. В конце концов зло было наказано, богатырь стал царем, но, памятуя о том, как трижды пенная чара чуть не стала для него смертной чашей: «зелена вина... с тех пор никогда не пил». Былина о коварстве в прекрасном образе, о черной неблагодарности оказалась сведена к нехитрому: «алкоголь — яд!» Однако «чаша вина в полтора ведра» в пересказе А. Нечаева и в оригинале неизменная спутница пиров в Киеве. И дело не в том,

одну такую или боле осушил Михайло, а в сонном зелье, что было в ней.

Среди всех пересказов книга Б. Шергина «Илья Муромец» (М., «Детская литература», 1968) на особом месте. Она для старшего школьника. Б. Шергин любил и умел исполнять былины, в своих переложениях чередовал прозу с песенным стихом, стараясь сохранить и смысл «старин», и их неповторимую образность.

Величавость повествования достигается стилизацией «под XVIII век» сложных прилагательных («тихогласный», «светлошумный»), введением в текст церковнославянской лексики. Изредка, как проблески молнии, две-три «шутейные» строчки. Те же калики, идя в Муром, «на правую ноженьку пляшут, на левую ножку припадают», а в «Илье и Идолице», что, как не смех, вызовет «старчише могутное», с огромной палицей вместо посоха, улетающего от врага, страшное лишь на вид?

Но есть у Б. Шергина то, что понятно лишь подростку, но не ребенку. Битва — не «потеха», а тяжкий труд, даже для могучего Ильи. После боя, точно после непосильной работы, утирают богатыри кровавый пот. Именно этим, а не развеселым пиром, кончаются его былины.

Другая, не менее значимая, тема двух поколений воплощена в «Святогоре». Б. Шергин не берет, как другие, за основу историю о «тяге земной». Ни в одном из пересказов нет столь трагической фигуры Святогора. Его сила — в мудрости, но богатырь «стар духом», «нстомился от древности лет» и ждет смерти. Только, пока не отыщет юного преемника себе, нет ему успокоения. Получив от Святогора часть его знания, Илья словно молодеет, ему как бы заново открывается мир. «Сияли звезды. Святогор читал звездное небо, как книгу. Илья слушал, и всю эту мудрость слагал в своем сердце».

Святогор исполнил свой долг, он может умереть. И, видя гроб, знает, для кого он. Напрасно Илья старается удержать его. Горькой шуткой уставшего от жизни старика звучат его слова при виде Ильи в огромном «домовище»: «Будто ты, дитя, ягодка в коробе катаешься».

Жутко Илье, но чем помочь? В единственном из пересказов он погребает своего старшего товарища, кладет в головы его богатырское оружие.

Переложения Б. Шергина — рубеж, за которым кончается пересказ и начинается сама былина, во всей первоизданной красе. Долг и труден путь к ней, не каждому суждено дойти до конца, не повернуть вспять. И оттого скромные пересказы былин, прочитанные в детстве, делают свое, негромкое, но доброе дело, сближая нас, людей нынешнего и будущего века, с седой стариной, с тем, откуда все мы пошли, чтобы знал, помнил и чтил человек родство свое.

Архангельск